

I.

Наши свѣдѣнія о здоровьѣ родителей Н. В. Гоголя не достаточно точны и полны для того, чтобы могли служить для объясненія патологической организаціи геніальнаго автора «Мертвыхъ Душъ». Мы конечно никогда не будемъ обладать необходимыми для насъ свѣдѣніями, потому что не только состояніе здоровья лицъ давно умершихъ, но даже нашихъ знакомыхъ остается намъ часто неизвѣстнымъ. Особенно скрываются нервныя и душевныя разстройства, и напр. Мебіусъ не могъ получить точныхъ свѣдѣній о здоровьѣ родителей Ницше¹⁾).

Намъ извѣстны лишь три обстоятельства, которыя могли оказать вліяніе на здоровье Н. В. Гоголя; первое—это болѣзнь Василія Афанасьевича Гоголя; второе—нервность Марьи Ивановны Гоголь; третье—ея молодость, когда она родила своего знаменитаго сына.

По всей вѣроятности В. А. страдалъ туберкулезомъ и умеръ отъ этой болѣзни; по словамъ М. И. Гоголь: «До женитьбы у него два года была лихорадка, отъ которой его вылѣчилъ извѣстный въ то время докторъ Трахимовскій» [Шенрокъ, т. 53]. Однако это было не выздоровленіе, а улучшеніе, легко объяснимое тою благопріятною обстановкой, въ которой жилъ больной. Наконецъ, наступило, какъ это обыкновенно бываетъ, ухудшеніе; В. А. хворалъ нѣсколько лѣтъ, наконецъ болѣзнь приняла неблагоприятное теченіе. «Мужъ мой,—говоритъ М. И.,—болѣлъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ и когда пошла кровь горломъ, онъ поѣхалъ въ Кибинцы, чтобы посоветоваться съ докторомъ». Горловое кровотеченіе—явленіе весьма характерно для туберкулеза легкихъ т.-е. чахотки. Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ такого распознаванія болѣзни В. А., можетъ служить его письмо: «мнѣ хорошо, но грудью страдаю ужасно и спать едва могу»; такъ именно жалуются на свое страданіе умирающіе чахоточные. Какъ и большинство чахоточныхъ В. А. не понималъ серьезности своего положенія и уже въ безнадежномъ состояніи поѣхалъ въ Лубны лѣчиться, съ полною увѣренностью на успѣхъ; послѣ непродолжительнаго лѣченія въ Лубнахъ, В. А. скончался на сорокѣ четвертомъ году жизни; даже въ Лубнахъ онъ интересовался хозяйствомъ, что еще разъ подтверждаетъ, что онъ не понималъ опасности своего положенія.

¹⁾ Möbius. Ueber das pathologische bei Nietzsche. 1902 г.

Несмотря на неполноту нашихъ свѣдѣній о болѣзни В. А., едва ли можно сомнѣваться, что онъ умеръ отъ чахотки; общая картина болѣзни, весьма характерные для чахотки припадки и, наконецъ, отношеніе больного къ болѣзни, все это даетъ намъ право думать, что отецъ нашего гениальнаго писателя страдалъ туберкулезомъ.

Такое пониманіе болѣзни В. А. имѣетъ значеніе, потому что туберкулезомъ В. А. мы можемъ объяснить болѣзненность и вообще слабость организма нашего гениальнаго писателя; безспорно Н. В. Гоголь физически слабый человекъ, съ узкими плечами, впалой грудью; онъ всегда былъ худощавъ и никогда не имѣлъ вполне здороваго, свѣжаго цвѣта лица. Едва ли можно сомнѣваться, что слабая физическая организація имѣла громадное значеніе во всемъ развитіи Н. В. Гоголя, во всей его жизни, въ складѣ его характера, въ образѣ жизни.

Туберкулезъ отца можетъ быть причиной вырожденія, патологической организаціи всѣхъ или нѣкоторыхъ дѣтей; несомнѣнно, что у отца, умершаго отъ туберкулеза, могутъ быть вполне здоровыя дѣти. Поэтому слѣдуетъ ограничиться предположеніемъ, что туберкулезъ В. А. Гоголя могъ быть причиной патологической организаціи нервной системы, или вырожденія его великаго сына; съ большимъ правомъ мы можемъ объяснить слабость организма Н. В. Гоголя чахоткой его отца. Сильнымъ подтвержденіемъ такого предположенія служить большая смертность дѣтей В. А. Гоголя: изъ двѣнадцати дѣтей осталось въ живыхъ только пятеро; конечно большая смертность бываетъ между дѣтьми вполне здоровыхъ родителей, но все же она, особенно если дѣти погибаютъ въ первые годы жизни, чаще бываетъ у дѣтей, происходящихъ отъ больныхъ родителей.

Наши свѣдѣнія о Марьѣ Ивановнѣ не отличаются точностью и не даютъ возможности составить вполне правильное сужденіе о здоровьѣ этой прекрасной женщины. Лица, оставившія намъ отрывочныя воспоминанія о М. И. Гоголь, не относились къ ней съ необходимою для точнаго наблюденія, объективностью, въ чемъ конечно ихъ нельзя упрекать; и ея личное обаяніе, и ореолъ матери гениальнаго писателя лишали ея знакомыхъ необходимой для наблюденія объективности. Несомнѣнно, что М. И. Гоголь обладала благороднымъ характеромъ, чуткой ко всему прекрасному душой; она умѣла любить и умѣла возбу-

ждать любовь; она, несомнѣнно, обладала живымъ, весьма гибкимъ умомъ, и была хорошо образована, принимая во вниманіе условія ея жизни. Поэтому я считаю рѣшительно невозможнымъ даже предположеніе, что М. И. страдала душевной болѣзнію; нѣтъ сомнѣнія, что до конца жизни эта чудная женщина сохранила психическое здоровье, и никогда никакой душевной болѣзнію не страдала.

Вмѣстѣ съ такимъ категорическимъ заключеніемъ, мы однако же не можемъ отрицать, что М. И. была надѣлена нервной, патологической организаціей; говоря иначе, это не была вполне здоровая, нормальная или обыкновенная женщина, что конечно ни коимъ образомъ не уменьшаетъ нашего уваженія и симпатіи къ матери гениальнаго писателя. Нельзя не обратить вниманія на неустойчивость и рѣзкія смѣны ея настроенія, и зависящаго отъ настроенія поведенія; то она, не сходя съ мѣста, не мѣняя позы, цѣлые часы думала неизвѣстно о чемъ, при чемъ лицо ея становилось безжизненнымъ, то была весела, оживлена и подвижна. Конечно, и у всѣхъ настроеніе мѣняется, на всѣхъ насъ нападаетъ вялость, смѣняющаяся подвижностью, но у М. И. неподвижность и мечтательность достигали до такой степени, что обращали на себя вниманіе лицъ ее знавшихъ. Очевидно, что въ этомъ отношеніи она отличалась отъ большинства; мы не можемъ судить, насколько патологическій характеръ имѣли эти необусловленные внѣшними причинами смѣны настроенія; можетъ быть, неподвижная мечтательность М. И. зависѣла отъ навязчивыхъ идей, можетъ быть, отъ обмановъ чувствъ, можетъ быть, эти смѣны настроенія и не имѣли такого тяжелаго характера. Безспорно, что у лицъ, надѣленныхъ патологической организаціей нервной системы, безъ всякой внѣшней причины, происходятъ рѣзкія колебанія настроенія: полная апатія смѣняется оживленіемъ; вдругъ безъ всякой причины субъектъ чувствуетъ слабость, общую вялость, полное равнодушіе ко всему, ему тяжелы всякое усиліе, всякая перемѣна. Также безъ всякой внѣшней причины развивается оживленіе: субъектъ чувствуетъ себя хорошо, ему кажется все легкимъ, онъ становится подвиженъ, разговорчивъ, ищетъ новыхъ впечатлѣній; оба состоянія исчезаютъ также безъ всякой внѣшней причины. Эта же неустойчивость настроенія М. И. выражалась и въ томъ, что она легко впадала въ отчаяніе, «что повторялось вполнѣ случайно, такъ

какъ по природной добротѣ она горячо принимала къ сердцу не только собственныя несчастія, но и горе близкихъ лицъ» (Шенрокъ, Т. I, стр. 53).

Меньшее значеніе имѣетъ мнительность и подозрительность М. И.; притомъ, мы не знаемъ насколько она отличалась въ этомъ отношеніи отъ той среды, въ которой жила. Безспорно, что М. И. была крайне мечтательна и поразительно непрактична, чѣмъ, конечно, и можно только объяснить, что она оставляла почти безъ средствъ горячо любимого сына, хотя ея имѣніе при мало-мальски умѣломъ хозяйствѣ давало бы достаточный для безбѣднаго существованія доходъ. Поразительная непрактичность М. И. едва ли можетъ быть объяснена воспитаніемъ; она была воспитана какъ и всѣ, а вѣдь не мало вдовъ помѣщицъ настолько удовлетворительно вели свое хозяйство, что помогали своимъ сыновьямъ въ первые годы ихъ службы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ М. И. была настолько легкомысленна, что у заѣзжихъ торговцевъ дѣлала выше средствъ закупки и даже покупала вещи ей ненужныя; сынъ упрекалъ ее, что «вы пошли доискиваться правды у кочующаго лавочника, прѣхавшаго на ярмарку». Мать, горячо любящая единственного сына, — накупаетъ ненужный хламъ, а сынъ ея бѣдствуетъ въ Петербургѣ, М. И. не была глупа, въ обычномъ смыслѣ этого слова; напротивъ, это была богато одаренная натура, но нужно думать, что мышленіе М. И. вполне зависѣло отъ чувствованій, отъ непосредственныхъ впечатлѣній; она не была надѣлена волей, не управляла въ должной мѣрѣ ходомъ мышленія.

Понятно, что М. И. гордилась своимъ сыномъ, рассказывала о его славѣ, хвалила его произведенія, увѣряла себя, что ея сынъ извѣстенъ Государю и т. п.; материнская любовь даже и болѣе уравновѣшенныхъ, чѣмъ М. И., матерей, лишаетъ возможности критически относиться къ дѣтямъ. При томъ же М. И. имѣла полное право гордиться своимъ сыномъ и мало преувеличивала его славу.

Въ концѣ концовъ мы такъ мало знаемъ о здоровьѣ М. И., что должны ограничиться самымъ общимъ заключеніемъ: М. И. была женщиной нервной, натурой неуравновѣшенной; при большой мягкости сердца, чуткости, она не обладала дѣловыми способностями, мало была способна къ спокойной разсудочной дѣятельности; фантазія у ней была сильно развита. Она казалась

странной, прямо-таки ненормальной Данилевскому и Трахимовскому; послѣдній сообщаетъ, что «М. И. Гоголь вмѣстѣ съ тѣмъ была крайне впечатлительна и подозрительна: бывали дни, недѣли, цѣлые мѣсяцы, когда впечатлительность М. И. доходила до крайнихъ предѣловъ, достигала почти болѣзненнаго состоянія». Геніальный сынъ, конечно, замѣтилъ болѣзненность своей матери и въ письмѣ къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ отъ 12, VI. 1839» говоритъ: «Слава Богу, наша маменька физически совершенно здорова. Я разумѣлъ душевную, умственную болѣзнь, о ней была рѣчь».

Необходимо однако принимать во вниманіе, что М. И. Говдовѣла тридцати двухъ лѣтъ; несомнѣнно, что раннее вдовство очень сильно вліяетъ на здоровье нервной системы; особенно сильно было вліяніе этого обстоятельства на здоровье нервной, ненормальной М. И.; весьма возможно, что если бы не было этого крайне неблагоприятнаго для здоровья нервной системы обстоятельства, «нервность» М. И. не достигла бы такой крайней степени. На основаніи собственныхъ, достаточно многочисленныхъ наблюденій, я придаю большое значеніе раннему вдовству.

Мы не знаемъ, какою душевной болѣзнію страдалъ племянникъ Н. В. Гоголя, Трушковскій, а потому тотъ фактъ, что племянникъ страдалъ душевной болѣзнію, еще не даетъ намъ достаточно основаній, чтобы судить о вырожденіи въ семьѣ Гоголей; можетъ быть Трушковскій страдалъ приобрѣтенной душевной болѣзнію; возможно, что патологическая организація была унаслѣдована и отъ отца.

Трудно рѣшить, насколько молодой возрастъ матери могъ быть причиной патологической организаціи нервной системы Н. В. Гоголя; какъ á priori, такъ и на основаніи наблюденій надъ животными, мы должны думать, что между дѣтьми очень молодыхъ матерей относительно много слабыхъ и хилыхъ. Весьма возможно, что слабое тѣлосложеніе Н. В. Гоголя, его хилое здоровье, хотя отчасти зависитъ отъ крайней молодости его матери. Однако мы не обладаемъ точными наблюденіями, указывающими, что молодость матери можетъ быть причиной вырожденія и слабости здоровья потомства. Еще менѣе основаній мы имѣемъ утверждать, что молодость матери можетъ быть причиной патологической нервной организаціи потомства; это возможно, но не доказано.

М. И. было пятнадцать лѣтъ, когда она родила великаго сатирика; у другихъ дѣтей не было нервныхъ разстройствъ; поэтому можно, съ нѣкоторымъ основаніемъ, объяснить патологическую организацію нервной системы и вообще хилое здоровье Н. В. Гоголя крайней молодостью его матери.

Такимъ образомъ наши скудныя свѣдѣнія о здоровьѣ родителей Н. В. Гоголя не даютъ намъ права давать какія-либо категорическія заключенія; мы знаемъ, что состояніе здоровья родителей нерѣдко вліяетъ на здоровье потомства; у вполне здоровыхъ родителей могутъ быть больныя дѣти, и наоборотъ—у больныхъ родителей бываютъ здоровыя дѣти. Сестры Н. В. Гоголя, по крайней мѣрѣ, младшія, до старости пользовались удовлетворительнымъ здоровьемъ, а Н. В. Гоголь безспорно былъ болѣзненный человѣкъ.

Гораздо важнѣе выяснить, что въ біологическомъ отношеніи унаслѣдовалъ Н. В. Гоголь отъ своихъ родителей, выяснить можно ли біологически объяснять геніальность Н. В. Гоголя, какъ даръ унаслѣдованный, или же геніальность автора «Мертвыхъ Душъ» не можетъ быть объяснена законами наслѣдственности, слѣдовательно, должна считаться случайнымъ, чисто индивидуальнымъ уклоненіемъ.

Отецъ Н. В. Гоголя былъ человѣкъ обыкновенный; онъ не выдавался изъ среды, въ которой жилъ, не достигъ совершенства въ какомъ-либо родѣ дѣятельности; онъ не захотѣлъ закончить своего образованія, пробовалъ служить, но безъ успѣха, ревностно занимался хозяйствомъ, но хозяиномъ былъ плохимъ. Онъ писалъ недурныя пьесы для театра Трошинскаго, но эти пьесы были очень далеки отъ совершенства и не обратили на себя вниманія; онъ писалъ стихи, но вѣдь было время, когда всѣ, кому нечего было дѣлать, писали плохіе стихи. Говорятъ онъ былъ хорошій рассказчикъ; приходится вѣрить этому показанію.

Едва ли можно сомнѣваться, что В. А. Гоголь былъ мягкій, добрый, хорошій человѣкъ, любимый своею семьею и своими знакомыми; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отличался ни трудолюбіемъ, ни энергіей, ни настойчивостью, ни дѣловитостью.

Геніальный сынъ унаслѣдовалъ отъ добродушнаго и ласковаго отца только хилое здоровье и, можетъ быть, патологическую организацію нервной системы; едва ли можно утверждать, что

В. А. Гоголь передалъ свою способность хорошо рассказывать: во-первыхъ, весьма сомнительно, чтобы такая способность, или такое свойство, передавались по наслѣдству. По крайней мѣрѣ между дѣтьми извѣстныхъ ораторовъ и актеровъ, хорошихъ рассказчиковъ не больше чѣмъ между дѣтьми лицъ, не обладавшихъ этой способностью. Во-вторыхъ, едва ли Н. В. Гоголя можно считать хорошимъ рассказчикомъ; онъ былъ гениальный чтець своихъ гениальныхъ произведеній, неподражаемый, и можетъ быть гениальный рассказчикъ смѣшныхъ по преимуществу «непечатныхъ» анекдотовъ, но вообще онъ не обладалъ выдающимся даромъ слова и не говорилъ хорошо ни о чемъ, кромѣ той области, которую постигалъ въ совершенствѣ въ силу своей исключительной и односторонней гениальности. Также едва ли можно допустить, что В. А. передалъ своему сыну свой литературный талантъ. Уже не говоря о томъ, что талантъ В. А. былъ крайне посредственный, едва ли можно найти что-либо кромѣ внѣшняго сходства, между невинными, отъ нечего дѣлать, написанными для забавы богатаго родственника и его гостей театральными пьесами В. А. Гоголя, и «Ревизоромъ».

Вообще, Н. В. Гоголь ни въ чемъ не походилъ на своего благодушнаго отца; отецъ былъ доволенъ своею жизнію, вполнѣ мирился съ окружающей обстановкой. Гениальный сынъ всегда стремился впередъ, никогда не мирился съ дѣйствительностью; отецъ былъ благодушенъ и любилъ всѣхъ и все, сынъ былъ практиченъ и дѣловитъ; отецъ былъ лѣнивъ, сынъ былъ трудолюбивъ и дѣятеленъ, насколько это позволяло ему его слабое здоровье. Отецъ наслаждался жизнью, какъ ни скромна была его доля счастья, сынъ могъ бы имѣть все въ жизни, и не наслаждался никогда жизнью, потому что по своему темпераменту не могъ наслаждаться жизнью. Отецъ провелъ жизнь, какъ праздникъ, для гениальнаго сына жизнь была страданіе, прерываемое короткими моментами восторговъ, о которыхъ В. А. и мечтать не могъ. Чтобы оцѣнить насколько сынъ не походилъ на отца, необходимо принять во вниманіе, что отецъ для своего времени, былъ такъ же, если не лучше, образованъ, чѣмъ сынъ.

Вообще, нечасто сынъ такъ мало похожъ на отца, какъ авторъ «Мертвыхъ Душъ» на В. А. Гоголя. Можно сказать, что Н. В. Гоголь былъ такой же плохой хозяинъ, какъ и его отецъ, но съ этимъ рѣшительно нельзя согласиться. Н. В. Гоголь не за-

нимался хозяйствомъ, потому что небольшое имѣніе матери не могло его даже интересовать; но если бы ему пришлось заняться хозяйствомъ, онъ былъ бы прекрасный хозяинъ, такъ какъ обладалъ главнымъ свойствомъ хорошаго хозяина — узнавать и подчинять себѣ людей. Можно, конечно, говорить, что В. А. Гоголь имѣлъ вліяніе на своего сына, какъ человѣкъ образованный и даже литературный. Хотя это уже выходитъ изъ сферы моей специальности, могу замѣтить, что образование отца имѣло вліяніе лишь на внѣшнюю жизнь Н. В. Гоголя: если бы онъ выросъ въ необразованной семьѣ, онъ могъ бы заглохнуть, его гений отъ этого былъ бы намъ неизвѣстенъ, но все-таки Н. В. былъ бы гениальнымъ человѣкомъ.

Безспорно, что чѣмъ болѣе Н. В. Гоголь походилъ бы на своего отца, тѣмъ легче бы ему жилось; страдальческая жизнь Н. В. Гоголя убѣдительно доказываетъ намъ, что онъ унаслѣдовалъ отъ чахоточнаго отца только хилое здоровье.

Весьма немного Н. В. Гоголь унаслѣдовалъ отъ своей матери; ихъ сходство мало уловимо и трудно опредѣлимо; приходится удовольствоваться такими же неопредѣленными, туманными выраженіями, какъ неопредѣленно это сходство. И у матери, и у сына была сильно развита духовная жизнь; это были духовныя натуры, если можно такъ выразиться; М. И. такъ же какъ и ея сынъ обладала натурой высшаго порядка. Конечно, все это неопредѣленно, но вѣдь мы и не можемъ точнѣе опредѣлить сходство сына и матери, оба они не были вульгарны, это были не монеты, похожія всѣ другъ на друга, а медали хотя и разной величины, но обѣ изъ благороднаго металла. Если мы обратимъ вниманіе, что М. И. всегда горячо любила своего гениальнаго, но едва ли пріятнаго въ семейномъ кругу сына, мы не можемъ отказать этой старосвѣтской помѣщицѣ въ большой душевной чуткости. Душевность, чуткость, способность любить все это свидѣтельствуетъ о высокой душѣ М. И.; эта духовность была унаслѣдована сыномъ.

Этимъ и кончается сходство М. И. Гоголь съ ея сыномъ. Онъ не унаслѣдовалъ отъ матери ни ея любвеобильности, ни ея кротости, ни ея непосредственнаго сердечнаго интереса къ жизни, ни ея покорности судьбѣ, ни ея непрактичности, ни ея душевной простоты и прекрасной наивности. М. И. Гоголь обрисована и въ ея письмахъ, и въ письмахъ Н. В. Гоголя, и въ воспоминаніяхъ

друзей ея знаменитаго сына весьма хорошо, и потому едва ли можно сомнѣваться, что сходство между нимъ и матерью было весьма не велико, а главное неопредѣленно. Такое заключеніе подтверждается и тѣмъ, что живая связь между матерью и сыномъ, несмотря на ихъ взаимную любовь, скоро порвалась, зато оба часто и много писали другъ другу. Н. В. Гоголь полѣнился въ 1839 году съѣздить къ матери и выписалъ невыѣзжавшую далеко старушку-мать въ Москву, да еще въ чужой домъ. Едва ли радость М. И. Гоголь при свиданіи съ сыномъ много отличалась отъ того душевнаго состоянія, которое переживала мать Базарова, когда этотъ послѣдній пріѣзжалъ домой. М. И. Гоголь жилось гораздо легче, чѣмъ ея сыну; такъ же какъ и ея мужъ она обладала жизнерадостностью и умѣла довольствоваться немногимъ. Ей хотѣлось увеличить доходы своего имѣнія, но и хозяйственныя неудачи она переносила легко, только чуткимъ материнскимъ сердцемъ она понимала, но конечно лишь смутно, страданія своего великаго сына; но стремленія сына, сущность и причины его страданій, были совершенно чужды ея натурѣ.

Что Н. В. Гоголь біологически ничего кромѣ слабаго здоровья не унаслѣдовалъ отъ отца, и очень мало унаслѣдовалъ отъ матери, доказывается и тѣмъ, что всѣ его сестры рѣшительно ни въ чемъ не походили на своего геніальнаго брата. Онѣ ничѣмъ не выдавались изъ среды, ничѣмъ не заявили своихъ способностей, прожили жизнь въ той же средѣ, въ которой родились, жили безмятежно и пользовались счастьемъ, насколько это удается обыкновеннымъ людямъ. Геніальный больной братъ и здоровыя, похожія на своихъ родителей сестры были совершенно чужды другъ другу; даже блестящее образованіе, полученное Анной и Елизаветой Гоголь, благодаря ихъ знаменитому брату, не выдѣлило ихъ изъ толпы, и для насъ вполне понятно, что попытки Н. В. Гоголя пріохотить своихъ сестеръ къ литературному труду оказались безуспѣшны. Ничего безусловно выдающагося, ничего даже похожаго на геніальность, въ хорошей, честной, даже скажемъ, умной семьѣ Н. В. Гоголя не было, что и доказывается тѣмъ, что изъ этой семьи не вышло ни одного человѣка, хотя бы чѣмъ либо выдѣливашагося изъ толпы, хотя сколько-нибудь извѣстнаго.

Такимъ образомъ мы имѣемъ право притти къ заключенію, что геніальность автора «Мертвыхъ Душъ» не была имъ унаслѣдована,

что въ семьѣ его не было ничего, что бы могло намъ объяснить геній Н. В. Гоголя. Еще разъ мы видимъ, что геній родился въ самой обыкновенной, почтенной семьѣ; между предками и сестрами Н. В. Гоголя не было ни одного лица, обладавшаго выдающимися способностями. Мы можемъ утверждать, что геній можетъ родиться въ каждой семьѣ, безъ всякой подготовки; геній это какое-то случайное, непонятное намъ уклоненіе. Біографія Н. В. Гоголя еще разъ подтверждаетъ намъ, что мы рѣшительно не знаемъ ни біологическихъ, ни психологическихъ условій, способствующихъ развитію генія. Особенно убѣдительно это положеніе подтверждается біографіей Н. В. Гоголя; не только своей геніальностью, но и всей своей организаціей, всѣмъ своимъ духовнымъ складомъ онъ отличался отъ своего семейства. Онъ во всемъ, по отношенію къ собственному семейству, былъ исключительнымъ явленіемъ; слѣдовало бы сказать, что геніальность это какое-то уродство, но это слово имѣетъ дурной смыслъ. Пока мы должны довольствоваться этимъ словомъ, такъ какъ оно лучше другихъ выражаетъ все то небольшое, что мы знаемъ о происхожденіи геніевъ. Н. В. Гоголь не былъ похожъ ни на отца, ни на мать, его геніальность не была дальнѣйшимъ развитіемъ способностей, имѣвшихся въ его семьѣ; почему-то, по непонятнымъ намъ причинамъ, въ почтенной, благодушной семьѣ родился геніальный сатирикъ. Поневолѣ намъ приходится геніальность Н. В. Гоголя объяснить болѣзнью, такъ какъ только болѣзнь можетъ намъ объяснить такое рѣзкое уклоненіе, такое существенное отличіе. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же иначе можно объяснить тотъ несомнѣнный фактъ, что Н. В. Гоголь и своими удивительными способностями, и своей организаціей отличался отъ всѣхъ членовъ своего семейства. Только болѣзнь могла обусловить это столь полезное для всѣхъ насъ уродство и уклоненіе отъ типа. Унаслѣдованное вырожденіе или болѣзни, перенесенныя въ дѣтствѣ, или же, что наиболѣе вѣроятно, то и другое вмѣстѣ, обусловили то уклоненіе въ организаціи, то уродство въ строеніи головного мозга, которое выразилось и въ геніальности, и въ особенностяхъ характера Н. В. Гоголя. Иначе мы не можемъ объяснить геніальности Н. В. Гоголя: болѣзнь обусловила одностороннее развитіе головного мозга, задержала гармоническое развитіе всего головного мозга.

Патологическая организація нервной системы Н. В. Гоголя